

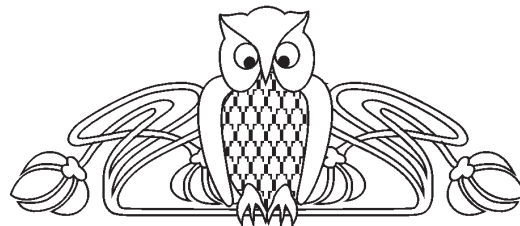

УДК 165.12

ПСИХОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Жилин Владимир Ильич –

доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных, естественно-научных и правовых дисциплин, Омский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
E-mail: ZhilinVI@yandex.ru

В последние десятилетия в работах российских философов всё чаще делаются ссылки на психологию, которая в своих экспериментах якобы подтверждает установки субъективистской эпистемологии, хотя сами психологи не претендовали и не претендуют на повышение статуса психологии восприятия до уровня эпистемологии. Возрождение субъективизма, психологизма, релятивизма и скептицизма в облики телесного подхода осознанно или неосознанно, но неизбежно ведёт к агностицизму и, соответственно, к полному отказу от поиска истины. Автор статьи утверждает, что эпистемология не сводится к психологии восприятия и в связи с этим так называемый «телесный подход в когнитивной науке» не может претендовать на гносеологический статус.

Ключевые слова: психология восприятия, эпистемология, телесный подход.

Одним из первых философских течений, построивших свою «негативную» эпистемологию и онтологию на «зыбкости» чувственного познания, был скептицизм. Но, выступив «разоблачителем» догматизма, для чего, собственно, и требовалось сомнение в нашем чувственном восприятии, скептицизм в результате своего развития пришёл к релятивизму, в рамках идей которого истиной признавалось всё то, что кому-либо кажется.

Пиррон, Агриппа, Аркесилай, Карнеад, Энесидем, Секст Эмпирик и другие их союзники по скептицизму хорошо понимали ограниченность чувственного восприятия, его релятивность по отношению к субъекту и условиям восприятия. В связи с этим они полагали, что на суждения о внешних предметах оказывают влияние различия в организации органов чувств у различных животных и человека, различия между людьми, которые обусловлены различными их ощущениями и состояниями, разные ощущения и представления, возникающие у одного и того же человека при разных условиях и т.д.

В новое время спор вокруг вопроса о роли чувственного познания приобрёл особую актуальность. При этом мало кто, за исключением крайних сенсуалистов, полагал чувственное восприятие безгрешным. И последователи Р. Декарта, и умеренные приверженцы эмпиризма принимали во внимание «неидеальность» чувствующего тела.

В. А. Лекторский, подводя некоторый итог в развитии эпистемологических идей к концу XX в., предлагает собственное видение особенностей классической теории познания (Т.п.) и неклассической. Так, в частности, он отмечает: «Другое большое и принципиальное разделение, характерное для классической Т.п., – это разделение на *психологистов* и *антипсихологистов*. Конечно, все философы различали причинное объяснение тех или иных феноменов сознания и их нормативное оправдание. Однако для психологистов (к ним относятся все эмпирики, а также некоторые сторонники теории «врождённых идей») норма, обеспечивающая связь познания с реальностью, коренится в самом эмпирически данном сознании. Это определённый факт сознания. Т.п. в этой связи основывается на психологии, изучающей эмпирическое сознание. Исторически многие исследователи в области Т.п. были одновременно и выдающимися психологами (Д. Беркли, Д. Юм, Э. Мах и др.)» [1, с. 74].

Бесспорно, что такие «махровые» эмпирики, как Д. Беркли и Д. Юм, могут быть причислены к «психологистам», однако безоговорочно признать Ф. Бэкона, Дж. Локка и Э. Б. де Кондильяка – философов-эмпириков, которые не только строили собственную эпистемологию на основе чувственного восприятия, но и предлагали средства преодоления всевозможных искажений чувственных образов, – психологистами довольно проблематично. В. В. Чешев по этому поводу замечает: «Нередкое в настоящее время увлечение трансцендентализмом (например феноменологией Э. Гуссерля) порождает высокую оценку рационализма Нового времени, представленного творчеством Р. Декарта, и, как правило, игнорирует эмпиризм, полагая его боковой и несущественной ветвью философии, воплощающей установку естественного реализма или “психологизма”. Такая позиция является весьма односторонней и не отвечает непредвзятому рассмотрению истории философской мысли» [2, с. 99]. Я полагаю, что бэконовское избавление от «призраков» может служить хорошей иллюстра-

цией того, что далеко не всех эмпиристов можно отнести к психологам.

Вместе с тем и далеко не все выдающиеся психологи могут быть причислены к эпистемологам-психологам. Например, Ж. Пиаже, представляя основные идеи генетической эпистемологии, формулирует и основную задачу эпистемологии: «Эпистемология – это теория достоверного познания и даже в том случае, если это познание, не будучи состоянием, всегда есть процесс, оно тем не менее всегда по сути своей есть процесс перехода от менее достоверного знания к более достоверному» [3, с. 57]. Очевидно, что Ж. Пиаже, будучи психологом, тем не менее не входит в круг эпистемологов-психологов. При этом, однако, Ж. Пиаже не является и антипсихологом в своём понимании эпистемологии. С его точки зрения, эпистемология должна носить междисциплинарный характер. «Если бы речь шла только о достоверности, – поясняет свою позицию Ж. Пиаже, – эпистемология не отличалась бы от логики; однако её задача не является чисто формальной, а состоит в том, чтобы определить, каким образом познание достигает реальности, т.е. какие связи, отношения устанавливаются между субъектом и объектом. Если бы речь шла только о фактах, эпистемология свелась бы к психологии когнитивных функций, однако последняя не в состоянии решать вопросы достоверности знания» [3, с. 57]. В этой связи, согласно Ж. Пиаже, «первым правилом генетической эпистемологии является правило сотрудничества» [3, с. 57]. По мнению Ж. Пиаже, изучение процессов роста знания должно объединять психологов, логиков, специалистов-предметников в той или иной конкретной области знания, математиков и кибернетиков.

Не менее ясно высказывает свою позицию в связи с этим и Л. С. Выготский [4]. Он утверждает: «Ни одна наука невозможна иначе, чем при разделении непосредственного переживания от знания: удивительное дело – только психолог-интроспективист думает, что переживание и знание совпадают. Если бы сущность и форма проявления вещей непосредственно совпадали, говорит Маркс, была бы излишня всякая наука. Если в психологии явление и бытие – одно и то же, то *каждый есть ученый-психолог* и наука невозможна, возможна только регистрация. Но, очевидно, *одно дело жить, переживать и другое – изучать, как говорит Павлов*» [4, с. 413]. Отстаивая позиции материалистической психологии в её противостоянии феноменологии, Л. С. Выготский входит в самую суть проблемы так называемой индивидуалистической эпистемологии. «Но проблема кажимости есть кажу-

щаяся проблема, – высказывает свою позицию Л. С. Выготский. – Ведь в науке мы хотим узнать *истинную*, а не *кажущуюся* причину кажимости: значит нам нужно брать явления такими, какими они существуют независимо от меня. Сама *кажимость* – иллюзия (в основном примере Титченера: мюллер-лайеровские линии физически равны, психологически – одна длиннее)» [4, с. 412]. При этом, зная физическую природу линий и законы оптического восприятия глазом-линзой, кажимость, иллюзия вполне объяснимы.

Да, Б. М. Величковский [5] пишет, что с конца 1980-х гг. в когнитивной лингвистике, психолингвистике и психосемантике наблюдается «телесная заземлённость познания», суть которой состоит в соотношении абстрактного знания с телесными ощущениями. Вместе с тем он также замечает, что «общей сферой интересов для когнитивных и экологических исследований является, как мы видели, изучение ситуативного познания» [5, с. 331]. Обратим внимание – речь идёт о ситуативном познании, и не более. И сами психологи, в том числе и представители когнитивной науки, это очень хорошо понимают. Хотя В. А. Лекторский [1] продолжает настаивать на «своём», утверждая, что в последние десятилетия XX в. эпистемология оставила своё классическое лоно с довольно чёткими классификационными критериями и стала неклассической, с характерными признаками. В частности, для неклассической эпистемологии, с его точки зрения, характерны пост-критицизм, отказ от фундаментализма, субъектоцентризма и наукоцентризма. При этом, как замечает В. А. Лекторский, в рамках неклассической эпистемологии, отказавшись от фундаментализма (что предполагает признание изменчивости познавательных норм и невозможности сформулировать жёсткие нормативные предписания развивающемуся познанию), происходит «своеобразный» возврат к психологизму. «Важно однако подчеркнуть, – поясняет В. А. Лекторский, – что речь не идёт более о психологизме в старом смысле слова. Во-первых, Т.п. (как и современная когнитивная психология) исходит из того, что определённые нормы познавательной деятельности встроены в работу психики и определяют последнюю (и в этой связи рациональные основания выступают также и в роли причин психических явлений). Во-вторых, главным способом получения данных о работе психики является не индуктивное обобщение интроспективных данных сознания, а построение идеальных моделей, следствия из которых сравниваются с результатами психологических экспериментов (самоотчёты испытуемых при этом используются, но только при условии

их критической проверки и сравнения с другими данными)» [1, с. 78]. Полагаю, что «возврат к психологизму», «отказ от фундаментализма и наукоцентризма» и пр. постмодернистские «штучки» оказались возможными в эпистемологии лишь с «подачи» философов-«гуманитариев», произвольно расширивших границы психологии восприятия. М. К. Мамардашвили в связи с этим категоричен и полагает, что «увидеть бытие можно одним способом: отказавшись от психологии» [6, с. 99].

Сегодня одним из популярных вариантов неклассической эпистемологии является телесный подход, говоря о котором, Р. А. Аронов и О. Е. Баксанский [7] пришли к выводу, что это не просто хорошо забытое старое, это ещё больше похоже на ересь. Трудно с такой позицией не согласиться. Хорошей иллюстрацией этому утверждению Р. А. Аронова и О. Е. Баксанского может служить синергетика, которая тесно связана с телесным подходом. А. Л. Алюшин, Е. Н. Князева, вскрывая эту связь, отмечают: «Синергетика и телесный подход различаются скорее по прикладной проблематике, давшей конкретно-научную пищу их развитию. Для синергетики это были неравновесные процессы в физике и химии, для телесного подхода – зависимость получаемых данных процесса познания от телесных свойств самого субъекта познания. В то же время по своему мировоззрению, основному набору идей и вектору исследовательской устремлённости оба подхода близко сходятся» [8, с. 52]. Интересное, необычное и даже парадоксальное сближение: физика, в рамках которой со времён Ф. Бэкона, Р. Декарта и Г. Галилея пытались освободиться от иллюзорности и субъективности чувственного познания, и телесный подход, познавательным фокусом которого является «телесная нагруженность» познания.

Однако необычным оно представляется с первого взгляда, и именно в том случае, если под синергетикой понимать физику открытых нелинейных диссипативных систем, от имени которой чаще всего и ведут свои литературные беседы синергисты. Если же отделить зёрна от плевел и понять, что физика это физика, а синергетика это не физика (попытка такого рода разделения предпринята автором [9]), тогда необычность сближения синергетики и телесного подхода исчезает. Эклектика и софистика синергетики [9], её идеализм и субъективизм, уводящие в мистицизм, вполне соответствуют субъективизму и психологизму телесного подхода, аргументы которого созвучны идеям скептиков. Сторонники телесного подхода в лице синергистов утверждают: «Познание телесно, или “отелеснено”.

То, что познаётся и как познаётся, зависит от строения тела и его конкретных функциональных особенностей, способностей восприятия и движения в пространстве. Устроены тела по-разному – потому и познают они по-разному» [8, с. 56]. Так как познающее тело погружено в природное и социокультурное окружение, которое оказывает на него своё влияние, то и само познание, в рамках идеи телесного подхода, становится ситуационным. Более того, когнитивная активность познающего агента «создаёт и саму окружающую по отношению к познающему существу среду – в смысле отбора, вырезания им из мира именно и только того, что соответствует его телесным потребностям, когнитивным способностям и установкам» [8, с. 57]. Поразительная своей характерностью для текстов по синергетике связка, высказанная А. Л. Алюшиным и Е. Н. Князевой. С одной стороны, согласно телесному подходу и М. Мерло-Понти, авторы-синергисты опираются на тезис о том, что «организм активно выбирает из всего многообразия окружающего мира те стимулы, на которые ему предстоит откликаться, и в этом смысле создаёт под себя свою среду» [10, с. 106]. Другими словами, речь здесь идёт о том, что субъект играет роль каталитического элемента системы взаимоотношений с окружающей средой, в связи с чем когнитивные процессы выступают активной стороной по отношению к структуре среды.

С другой стороны, разъясняя, что же это значит, что познающий агент сам создаёт окружающую среду, А. Л. Алюшин и Е. Н. Князева вполне в духе диалектического материализма замечают, что эту мысль М. Мерло-Понти следует трактовать как отбор, вырезание субъектом познания из мира именно и только того, что соответствует его телесным потребностям, когнитивным способностям и установкам. И тогда критика телесного подхода со стороны Р. А. Аронова, О. Е. Баксанского полностью нивелируется. Произвольно соединив разнородные взгляды, А. Л. Алюшин и Е. Н. Князева выбили (как им кажется) почву из-под ног своих критиков, которые ранее отмечали: «Между тем при ближайшем рассмотрении с ролью субъекта как каталитического элемента системы его взаимоотношений с окружающей средой (пишущего ей самой закон) ничего подобного на самом деле не происходит. Вопреки, как мнению М. Мерло-Понти, так и мнению сторонников телесного подхода, познающее тело, субъект активно выбирает из всего многообразия окружающего мира лишь те стимулы, которые необходимы ему для существования, и тем самым в конечном счёте лишь приспосабливается к тому, что есть в окружающем мире» [7, с. 106].

Следует заметить, что «чудеса» восприятия в виде всевозможных миражей и иллюзий известны довольно давно. Не являются их первооткрывателями ни гештальтпсихологи, ни даже сотоварищи Пиррона и Агриппы, хотя именно в рамках скептицизма были детально описаны особенности искажённого восприятия. Однако необходимо отметить, что люди недолго отождествляли миражи с реальными явлениями и, в результате, научились надёжно отличать их друг от друга, а физики не только предложили объяснения различным миражам, но и научились создавать их искусственно, тем самым подтверждая правильность предложенной теоретической модели.

Иллюзии как искажённое отражение действительности детально изучались и изучаются психологами. При этом К. К. Платонов отмечает: «Психологические иллюзии, являясь искажением

отражения действительности, легко классифицируются по формам отражения. Иллюзии памяти, эмоций, ощущений, мышления, восприятия, чувств и воли – каждую можно рассматривать в качестве родов иллюзий, а в каждом роде можно выделять виды» [11, с. 117]. В связи с этим следует заметить, что если бы люди не научились отличать реальность от иллюзий, сновидений и миражей, то род человеческий очень быстро бы иссяк, не собрав и малой толики того опыта, который необходим для нашей жизни.

Мы «видим» три наклонных отрезка, не лежащие на одной прямой (рис. 1, а), но это факт восприятия, который изучается психологией или физиологией (см. статью П. Я. Гальперина [12]). Для того чтобы понять, что это иллюзия (ситуативное восприятие), достаточно взять линейку и наложить её на эти отрезки (рис. 1, б).

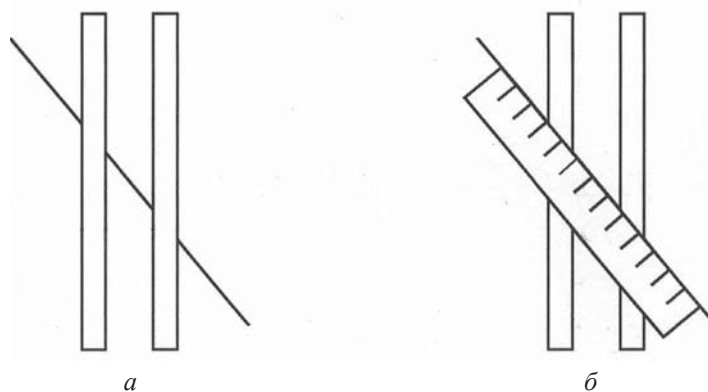

Рис. 1. Иллюзия «ситуативного восприятия» (а); иллюзия исчезает при наложении линейки (б)

Аналогично можно совершить переход от психологического факта к эпистемологическому

и сравнивая длины отрезков АВ (рис. 2, а, б), входящих в разные треугольники.

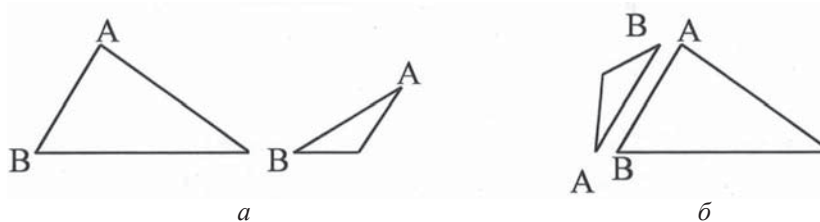

Рис. 2. Иллюзия «ситуативного восприятия»: АВ в большом треугольнике «видится» большего размера, нежели АВ в меньшем треугольнике (а); иллюзия исчезает при прямом сопоставлении этих отрезков (б)

С. Л. Рубинштейн, практически повторяя тексты скептиков, отмечает: «Таким образом, в восприятии обычно каждая часть зависит от того окружения, в котором она дана. Значение структуры целого для восприятия входящих в

состав его частей обнаруживается очень ярко и наглядно в некоторых оптико-геометрических иллюзиях» [13, с. 229]. Однако ни К. К. Платонов, ни С. Л. Рубинштейн, ни другие психологи не отождествляют психологию восприятия и

эпистемологию. С. Л. Рубинштейн, ограничивая возможные вольные интерпретации иллюзорного восприятия, отмечает: «*Всякое восприятие является восприятием объективной действительности. Ни одно восприятие не может быть ни истинно понято, ни даже правильно, адекватно описано вне отношения к объективному предмету, к определённой участку или моменту объективной действительности.* Значение тех свойств объективной действительности, которые восприятие отображает, для всего психофизического процесса восприятия выступает с особенной рельефностью в центральной по своему теоретико-познавательному значению проблеме константности. Константность восприятия выражается в относительном *постоянстве величины, формы и цвета* предметов при изменяющихся в известных пределах условиях их восприятия» [13, с. 233]. Более того, мы воспринимаем не просто пучки ощущений, а предметы, имеющие определённое значение. При этом чувственное и смысловое содержание восприятия не рядоположны. С. Л. Рубинштейн, комментируя взаимосвязь чувственного и смыслового в восприятии, уточняет: «они взаимообуславливают и взаимопроникают друг в друга» [13, с. 235]. Бесспорно, есть случаи, когда человек может воспринимать чувственные свойства вещей без их осмысления, но это уже относится к патологии. С. Л. Рубинштейн так описывает ситуацию: «Особенно показательно значение этого единства и взаимопроникновения чувственного и смыслового содержания для нормального восприятия выступает в патологических случаях. При так называемой *духовной слепоте* или *глухоте*, при *зрительной* или *слуховой асимболике* больной воспринимает чувственные свойства вещей и их форму или структуру, но они утрачивают для него значение. Он не узнаёт и не понимает того, что видит или слышит, он не знает названия воспринимаемых предметов и не в состоянии ими пользоваться» [13, с. 235].

Продолжая тему патологии в познании, следует отметить и мнение Б. М. Величковского, обратившего внимание на высказывание А. Маслоу, который как-то заметил, что для человека с молотком все предметы напоминают шляпку гвоздя (что совершенно в контексте телесного подхода). Не соглашаясь с точкой зрения одного из классиков гуманистической психологии, Б. М. Величковский полагает, что такого рода (под шляпку гвоздя) телесная «заточенность» человека с молотком выходит за нормы психического здоровья и, скорее всего,

подпадает под описание состояния ребёнка, «без спроса» заполучившего в свои руки взрослый инструмент, или же клиническое наблюдение за пациентом с дисфункцией лобных долей мозга. В связи с этим, подводя итог рассуждений о «телесной заземлённости познания», Б. М. Величковский [5] даёт отрицательную оценку эколого-действенно-телесного антиментализма, несмотря на определённую убедительность отдельных аргументов его представителей. Понимая ситуативность познания, которая изучается психологией восприятия и нейронаукой, Б. М. Величковский отдаёт себе отчёт в том, что эпистемология в частности и познание вообще не сводятся к сиюминутной психофизической реакции организма на внешние раздражения. «Если у нас есть такая возможность, – комментирует свою позицию Б. М. Величковский, – в реальной жизни мы часто стараемся сбить темп событий, отступить, понаблюдать, оценить, спланировать наши действия и только потом попытаться их осуществить. Познанию вообще может быть противопоказан чрезмерный активизм. Ведь в нашей мыслительной деятельности мы преимущественно имеем дело не с перцептивно ясной, телесно осязаемой предметной реальностью, а с ментальными моделями гипотетических и даже заведомо контрфактических, не существующих и никогда не существовавших ранее ситуаций» [5, с. 334].

Полагаю, что Б. М. Величковский высказал ключевые идеи, отличающие эпистемологию от психологии восприятия. И в связи с этим нет нужды сводить эпистемологию к особенностям ситуативного познания, дающего «пищу» субъективизму, психологизму, телесному подходу и скептицизму.

Бесспорно, скептицизм, психологизм и телесный подход привлекательны. Привлекательны своим субъективизмом, плюрализмом, релятивизмом и толерантностью. Зачем изучать историю философии, физику, астрономию, математику, биологию, психологию и много-много других учебных и научных дисциплин? Зачем проводить эксперименты и осмысливать своё чувственное восприятие, «выкапывая», «вышелушивая» из него истину, истину как некоторое, пусть и приближённое, соответствие объективной реальности? Ведь сказано – кому что кажется, то и истина, а невежда столь же мудр, как и заслуженные учёные. Чем не утешение для лентяя и надежда для политтехнолога? Но, как мы убедились, психологи не претендовали и не претендуют на повышение статуса психологии восприятия до уровня эпистемологии.

Список литературы

1. Лекторский В. А. Теория познания (гносеология, эпистемология) // *Вопр. философии*. 1999. № 8. С. 72–80.
2. Чешев В. В. Проблема познания в философии. Томск, 2003. 334 с.
3. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология // *Вопр. философии*. 1993. № 5. С. 54–63.
4. Выготский Л. С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М., 1982. 488 с.
5. Величковский Б. М. Когнитивная наука : основы психологии познания : в 2 т. М., 2006. Т. 2. 432 с.
6. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. СПб., 2012. 320 с.
7. Аронов Р. А. Новое в эпистемологии и хорошо забытое старое // *Вопр. философии*. 2004. № 5. С. 99–110.
8. Алюшин А. Л., Князева Е. Н. Темпомиры : скорость восприятия и шкалы времени. М., 2008. 240 с.
9. Жилин В. И. Синергетический сциентизм : критический анализ философско-методологических оснований. М., 2011. 192 с.
10. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. 213 с.
11. Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. М., 1982. 312 с.
12. Гальперин П. Я. Новая усиленная форма фигуры Поггендорфа (к теории оптико-геометрических иллюзий) // *Вопр. психологии*. 2012. № 5. С. 84–91.
13. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2007. 713 с.

Perceptual Psychology and Epistemology

V. I. Zhilin

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow State University, branch in Omsk
195/18, 10 let Oktyabrya str., Omsk, 644009, Russia
E-mail: ZhilinVI@yandex.ru

During the last decades the works of Russian philosophers increasingly make references to psychology that allegedly confirms positions of the subjectivist epistemology in its experiments. But psychologists themselves don't pretend to rising of the status of the psychology of perception to the level of epistemology. Revival of subjectivism, psychologism, relativism and skepticism in the guise of corporal approach, consciously or unconsciously, but inevitably leads to agnosticism and, accordingly, to the complete abandonment of the search for truth. The author argues that epistemology can't be confined to the psychology of perception, and, in this connection, the so-called «corporal approach in cognitive science» cannot apply for a gnoseological status.

Key words: psychology of perception, epistemology, nude approach.

References

1. Lektorskiy V. A. Teoriya poznaniya (gnoseologiya, epistemologiya) (Theory of cognition {gnoseology, epistemology}). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1999, no. 8, pp. 72–80.
2. Cheshev V. V. *Problema poznaniya v filosofii* (The problem of cognition in philosophy). Tomsk, 2003. 334 p.
3. Piaget J. *Genetic epistemology*. London; New York, 1972. 104 p. (Russ. ed.: Piazhe Zh. Geneticheskaya epistemologiya. *Voprosy Filosofii*, 1993, no. 5, pp. 54–63).
4. Vygotskiy L. S. *Sobr. soch. v 6 t. T. 1. Voprosy teorii i istorii psihologii* (A complete set of works: in 6 vol. Vol. 1. Problems of theory and history of psychology). Moscow, 1982. 488 p.
5. Velichkovskiy B. M. *Kognitivnaya nauka: Osnovyi psihologii poznaniya: v 2 t.* (Cognitive science: Foundations of cognitive psychology: in 2 vol.). Moscow, 2006. Vol. 2. 432 p.
6. Mamardashvili M. K. *Leksii po antichnoy filosofii* (Lectures on ancient philosophy). St.-Petersburg, 2012. 320 p.
7. Aronov R. A. *Novoe v epistemologii i horosho zabyitoe staroe* (New in epistemology and well-forgotten old). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2004, no. 5, pp. 99–110.
8. Alyushin A. L., Knyazeva E. N. *Tempomiry: skorost vospriyatiya i shkaly vremeni* (Tempoworlds: The speed of perception and time scales). Moscow, 2008. 240 p.
9. Zhilin V. I. *Sinergeticheskiy sstientizm: Kriticheskiy analiz filosofsko-metodologicheskikh osnovaniy* (Synergetic scientism: A critical analysis of the philosophical and methodological foundations.). Moscow, 2011. 192 p.
10. Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. London; New York, 2002. 544 p. (Russ. ed.: Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya* (Phenomenology of perception). St.-Petersburg, 1999. 213 p.).
11. Platonov K. K. *Sistema psihologii i teoriya otrazheniya* (System of psychology and the theory of reflection). Moscow, 1982. 312 p.
12. Galperin P. Y. *Novaya usilennaya forma figury Poggenдорфа (K teorii optiko-geometricheskikh illyuziy)* (New sharpened form of Poggenдорff figure {On the theory of optical-geometric illusions}). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2012, no. 5, pp. 84–91.
13. Rubinshteyn S. L. *Osnovyi obschey psihologii* (Fundamentals of general psychology). St.-Petersburg, 2007. 713 p.